

A dramatic, low-key photograph of an old, abandoned church interior. Sunlight streams through a high circular window, creating a strong lens flare and illuminating the scene. In the foreground, a woman with curly hair, wearing a long, light-colored dress, stands looking up towards the ceiling. She holds a camera. In the background, a man in blue overalls stands on a wooden scaffolding, painting a mural on the wall. The church's architecture features large arches and a central altar area with a statue. The walls are peeling and aged, and the floor is covered in debris.

Узнай меня по тишине

Валерия Хасанова

Валерия Хасанова

Узнай меня по тишине

<https://litres.ru/74379439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна всегда знала, когда нужно уйти. Военный фотограф, десять лет в горячих точках — она научилась не привязываться. Камера была её щитом. До момента, когда в объективе появился Марк.

Марк реставрирует старые фрески. Тратит на это годы, деньги, силы. Говорит мало, делает много. И молчит так, что в этом молчании слышно всё.

Они встретились в полуразрушенной церкви у моря. Анна должна была уехать через две недели. Не уехала.

А потом случилось то, что разделило её жизнь на «до» и «после». В один день всё, что она знала о себе, о Марке, об их общей истории, исчезло. Осталось только смутное чувство, которому она не могла найти объяснения.

Марк приносит ей книгу, которую написал, пока она была без сознания. И читает вслух. Каждый день.

Но можно ли полюбить заново человека, которого не помнишь? И можно ли построить будущее на чужом прошлом?

История о том, что любовь — это не память. Любовь — это выбор. Даже когда всё остальное стёрто.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Валерия Хасанова

Узнай меня по тишине

Глава

Узнай меня по тишине

Эпиграф:

«Самая трудная вещь — не говорить, а молчать вместе»

— Антуан де Сент-Экзюпери

Глава 1. Анна. Ровинь. Начало.

Отец ушёл, когда мне было двенадцать. Мама сказала: он любил слишком громко, а потом просто взял и взорвался. Я не поняла тогда, что она имела в виду. Поняла позже — когда сама научилась любить тихо и бояться громкого.

С тех пор я держу дистанцию. Камера помогает — я смотрю на мир через объектив, а не вживую. Можно запечатлеть чужую боль, чужую радость, чужую жизнь и остаться в безопасности. Как за стеклом. Как за толстым слоем плёнки.

За десять лет работы военным фотографом я ни разу не пожалела об этом правиле. До встречи с Марком.

Я выросла в доме, где всё было либо слишком громко, либо слишком тихо. Мама плакала по ночам, когда думала, что я сплю. Днём она улыбалась соседям и продавцам в магази-

не, но дома от её улыбки ничего не оставалось. Она становилась серой, плоской, как старая фотография, выцветшая на солнце.

В пятнадцать я купила свой первый фотоаппарат — дешёвый, пластиковый, на батарейках. Я снимала всё подряд: маму, которая варит суп, маму, которая читает книгу, маму, которая просто сидит на кухне и смотрит в одну точку. Через объектив она казалась другой — не той, которую я знала. Более живой, что ли. Или менее. Я так и не поняла.

Потом я снимала войну. Сначала в командировках, потом постоянно. Я видела разрушенные дома, разбитые дороги, людей, которые потеряли всё и при этом улыбались. Я не плакала на съёмках. Я научилась отключать чувства, когда нажимаю на спуск. Это единственный способ не сойти с ума — сделать из себя инструмент. Бесчувственный. Точный. Холодный.

Я думала, что так и буду жить. Что камера — моя единственная любовь, а война — моя единственная правда. Но жизнь любит доказывать обратное.

Адриатическое побережье встретило меня жарой и запахом рыбы. Городок назывался Ровинь — узкие улочки, разноцветные дома, туристы с мороженым, старухи с кошками и вечным недовольством на лицах. Я сняла комнату у местной старушки за сорок евро в сутки. Она говорила только на хорватском и показывала жестами, где включать воду. Я кивала и делала вид, что понимаю.

На следующее утро я взяла камеру и пошла искать церковь. Не ту, что в путеводителях, а ту, о которой никто не пишет. Я всегда искала такие места — где время остановилось, где стены помнят больше, чем люди.

Я нашла её на краю города, у самого обрыва. Местные называли её «Санта-Мария-делла-Рокка». Когда-то она стояла над морем, но земля постепенно сползала вниз. Теперь здание кренилось вбок, и внутри пахло известкой, сыростью и старой пылью. Такой запах бывает только в зданиях, где никто не живёт, но где кто-то когда-то молился.

Я вошла и увидела луч солнца. Он пробивался через круглую дыру в куполе и падал прямо на фреску с архангелом. Пыль танцевала в свете — миллиарды крошечных частиц, которые никто никогда не заметит, если не смотреть специально.

Я достала «Лейку» — старую плёночную камеру, которую отец подарил перед уходом. Я не люблю её, но и выбросить не могу. Она весит почти килограмм, и к концу дня у меня немеет плечо. Но плёнка даёт тот цвет, который цифра никогда не повторит. Тот самый цвет, который пахнет временем.

Я сделала первый кадр. Потом второй. Третий — крупным планом, чтобы видеть трещины на лице святого. Я люблю трещины. В них есть честность. Штукатурка не притворяется целой, когда развалилась. Люди притворяются. Стены — нет.

На четвёртом кадре в объектив попал он.

Мужчина стоял на строительных лесах под самым куполом. Синяя рабочая роба, испачканная гипсом и золотой краской. В руке он держал тонкую кисть и выводил нимб над головой ангела. Я смотрела на него через видоискатель и не могла отвести взгляд. Не из-за внешности — он был выше меня, с широкими плечами и тёмными волосами, но дело не в этом. Он делал то, что я считала бессмысленным. Он возвращал жизнь тому, что уже умерло. Зачем тратить время на то, что всё равно рухнет? Я видела такие церкви в Сирии, в Ливане, в Грузии. Их восстанавливали, а через год они снова разваливались.

— Уберите камеру, — сказал он, не оборачиваясь.

Голос низкий, спокойный. Я не убрала. Сделала ещё один кадр — его руку с кистью, золотую краску на пальцах.

— Я работаю, — ответила я. — Вашему ангелу нужна реклама. Скоро он рухнет на пол вместе со всей церковью.

Он опустил кисть и обернулся. Не полностью — так, чтобы я видела его профиль. Серые глаза, лёгкая небритость на скулах, тёмные волосы, чуть тронутые светом сверху. Во взгляде не было злости — только усталая усмешка. Я видела такой взгляд у людей, которые уже давно перестали удивляться тому, как устроен мир.

— Ангел не рухнет. Я его держу.

— Очевидно, плохо держите, — я кивнула на трещину, которая тянулась от плеча архангела к алтарю. — Церковь разваливается. Я тут, чтобы запечатлеть её агонию. Если ты

не заметил, она скоро упадёт в море. Вместе с твоим нимбом.

Он молчал несколько секунд. Смотрел на меня, и я не могла понять, о чём он думает. Может, злится. Может, просто решает, стоит ли отвечать.

— Пятьсот лет, — сказал он наконец. — Этой церкви пятьсот лет. Она пережила войны, землетрясения и толпы туристов. И она переживёт тебя. Ты здесь на неделю? На две? Потом уедешь, и тебе будет всё равно, что с ней станет.

Он спустился с лесов. Доски скрипели под его ногами, и я слышала, как ветер с моря шевелит мои волосы — они у меня тёмные, выющиеся и вечно лезут в глаза. Я убрала их привычным жестом. Он подошёл ближе, чем я обычно позволяю незнакомцам. От него пахло скипидаром и деревом, и ещё чем-то — то ли старыми книгами, то ли дождём, который скоро придёт с моря. Я заметила, что он выше меня на целую голову.

— Ты снимаешь в режиме «сюжет», — он взял мою камеру, и я не успела возразить. — На автофокусе. Фотограф войны, а снимаешь как туристка. Всё размыто, всё плоско.

Он говорил без злости, но каждое слово звучало как диагноз. Я задохнулась от возмущения. В Сирии один полевой командир пытался отобрать у меня флешку — и то было менее нагло. Я протянула руку, чтобы вернуть камеру, но он не отдал.

— Посмотри, — он повернул камеру экраном ко мне. — Что ты здесь видишь?

Я посмотрела. Снимок, который я сделала минуту назад. Фреска, луч, пыль в воздухе. Обычный кадр.

— Ну?

— Я вижу свет, — сказала я, хотя не была уверена.

— Ты видишь дырку в крыше. Свет — это то, что падает на фреску. А не то, что пробивает потолок. Ты снимаешь аварию, а не момент. Приходи завтра в пять утра. Я буду снимать плёнку с купола. Вставай с той стороны, где восход. И убери автофокус. Тогда увидишь не то, что сломано, а то, что ещё работает.

Он вернул мне камеру и ушёл в ризницу, даже не представившись. Я осталась стоять в луче солнца, который бил из дыры в небе. Пыль кружилась в воздухе, и я смотрела, как она танцует в свете. Мне было обидно. И странно. Обычно я не позволяю незнакомцам трогать мою технику. И уж точно не позволяю им учить меня, как работать.

Но он был прав. Я знала это. Кадр был плоскостным. Я сняла то, что видела, а не то, что чувствовала. И он заметил это за две секунды.

Я вышла из церкви и пошла к морю. Села на камень, смотрела на волны и думала о том, что сказал этот мужчина. Его голос звучал у меня в голове: «Ты снимаешь аварию, а не момент». Что он имел в виду? Что он видит в этой церкви то, чего не вижу я? Или он просто хотел меня задеть?

Я не знала. Но я знала, что вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.